

9

Культура без границ: развитие технологий и новая идентичность

Т. В. Поддубных

Семь тысяч километров разделяют парижанина и жителя города Красноярска. Семь часовых поясов сделали из Клода Моне, чей «Руанский дворец» запечатлел расцвет французского религиозного возрождения, импрессиониста, а из Василия Сурикова, чей образ боярыни Морозовой и по сей день протестует против Никоновских реформ, – преданного правде исторического реалиста.

Влияние географии на результаты культурной деятельности человека является значительным, если не определяющим. Сибирскому человеку исторически было чуждо изящество Франции с ее нормативами красоты. Суровые условия жизни сформировали у него совершенно другие ценности и мировоззрение, через призму которых он воспринимал мир. Да и ограниченные возможности передвижения усложняли его культурный диалог с окружающим миром. Так было еще пару десятков лет назад. Семь часов со скоростью в тысячу километров в час сегодня делают парижаном даже сибиряком. Со скоростью сто мегабит в секунду парижанин становится сибиряком, не покидая веранды в парке Тюильри.

Культурная идентичность современности с каждым днем все слабее связана с территорией. Сегодня мы идентифицируем себя в глобальном пространстве Интернета, не обращая внимания на многокилометровые расстояния. «Свобода виртуального передвижения» сегодня доступна каждому (за редким исключением) пользователю Интернета.

Несмотря на свою очевидную актуальность, вопрос влияния новых технологий на наше восприятие действительности сквозь призму культурных идентичностей мало изучен, но при этом крайне интересен. Культура служила правителям в качестве как механизма контроля над собственным народом, так и орудия для порабощения и ассимиляции соседей. Империи росли не только благодаря огню и мечу, но и благодаря школьной скамье, книге и скульптуре (бани тоже, говорят, играли свою роль). Но современный сетевой мир вынуждает нас поменять свое восприятие культуры; доступность и скорость развития технологии определяют новую социальную реальность, где уже нет места границам и культурным различиям. Мы знаем, какой была культурная идентичность

в прошлом, можем наблюдать, какой она является сейчас, но понимаем ли мы, что ждет нас в будущем?

Ключевые слова: *культура, идентичность, страх, пространство, территория, гражданство, образование, интернет-пространство.*

Культура – феномен, одновременно объединяющий людей, различающий их и в какой-то мере даже универсализирующий. Культура провозглашает право собственности как на шедевры искусства, так и на любые продукты человеческой деятельности, которые, в свою очередь, определяют нашу культурную принадлежность. Своя субкультура (или ее вариации) как совокупность определенных практик и образцов поведения, а также предметов деятельности человека, присуща даже группе индивидов. Отсутствие идентификации себя с группой приводит человека к гоббсовскому первичному состоянию – состоянию «войны всех против всех». Здесь каждый выступает сам за себя. Общество становится атомизированным, не объединенным в группы, в связи с отсутствием идентификации граждан с конкретным государством и его культурой, несмотря на фактическое существование государства, а соответственно, и «общественного договора». «Культурная война всех против всех», в отличие, например, от культурной войны, не направлена на слом и возможную последующую замену духовных ценностей, норм и образцов поведения, определяющих установки группы и отдельно взятой личности, потому как она протекает в условиях отсутствия существования четко выраженных групп, а духовные ценности являются индивидуальными.

Идентичность «страх»

Кризис идентичности проходит болезненно. По мнению Витторио Хёсле, «он является самым болезненным жизненным переживанием» (Хёсле 1994: 112–123). Человеку от природы нужна ясность относительно того, кем он сам является; отсутствие собственной идентичности внушает человеку страх и растерянность. Тем более в ситуации общественного кризиса, когда возникает спонтанная потребность в «значении» – идентификации себя с конкретной социальной группой.

Феномен страха изучается философами на протяжении долгого времени. Как нервность страх рассматривался в работах А. Токвиля (2008) – у него страх был скорее тревогой, «т. е. постоянным беспокойством народа, возникшим с падением традиционного авторитета власти и изоляции современного общества, без ясного объекта или фокуса» (Робин 2007). Тревога и вовсе расцвела в отсутствие законов и элит. Там, где Т. Гоббс (2001) и Ш. Монтескье (1999) полагали, что репрессивные действия властей порождают страх или террор среди бесправных, Токвиль и его последователи верили, что тревога низов дает право на репрессивные акты верхам.

Тревога низов была спровоцирована утратой гражданских идентичностей, связанной с трансформацией государства и угасанием ореола святости власти (Токвиль 2008). В подобной ситуации все, что раньше считалось территорией консенсуса, стало вдруг полем конфликта: культура стала обозначением специфической идентичности. Появилась необходимость осознания собственной принадлежности, необходимость ориентации относительно «других». Институты, традиции, даже предметы культуры становятся контекстом, условием существования, а соответственно, и условием освобождения от тревог – противоядием против страхов.

Однако Ш. Монтескье в «Духе законов» пытался показать, что террор¹ (страх) не служит какой-либо полезной цели². Он не отвечает нуждам отдельных членов государства, не устанавливает общественный строй, но, что самое главное, страх не содействует коллективному существованию. У него лишь одно предназначение – обеспечение деспота возможностью осуществления своих желаний.

И если жертвы Монтескье боялись ощутимого наказания, люди Гоббса боялись естественного состояния, граждане же Токвиля – исчезновения привычных точек опоры.

Культурная идентификация: инструмент контроля или бегство от идеологии?

Действительно, когда все в мире меняется очень быстро, не растеряться невозможно. Так, потеря контроля и замешательство вызвали новый феномен – тревогу при отсутствии конкретного ее источника. Люди предпочитали подчиниться всемогущему государству, которое было бы в состоянии восполнить ощущение постоянства, где они в первую очередь – верные подданные этого государства. Тревога не была вызвана устрашающей силой, как страх Гоббса и террор Монтескье, не была реакцией на репрессии государства, она, напротив, приводила к ним. Так, страх впервые стал восприниматься не только как инструмент власти, но как постоянное душевное состояние масс. По мнению Токвиля, народ подчиняется не из-за распределения власти и не из-за законов, институтов и идеологии, а лишь потому, что слаб психологически.

С появлением стабильности, укреплением идентичности, в том числе гражданской, ослабевает и страх неизвестности. Отсюда вырастает и чувство патриотизма – патриотизм любого государства построен, по сути, на прочной гражданской идентификации его граждан. Патриотизм Советского государства, например, был построен на превосходстве партийной

---

¹ «Монтескье, первый после Гоббса ревизионист, предложил объяснение страха как террор» (Робин 2007).

² В противоположность Т. Гоббсу, который всегда обращался к страху как к основанию политики: страх естественного состояния оправдывал существование Левиафана (Гоббс 2001).

идентификации над любой другой³. В тоталитарных режимах идентификация с той или иной идеологией выходит на первый план, делая второстепенной любую другую⁴; связано это в основном с тем, что тоталитарный режим не приемлет плюрализма. Показательным здесь является феномен существования в СССР категории «враг народа». Дети врагов народа – заведомо партийно неидентичны, а потому исключены из общества, безразличного по отношению к ним, несмотря на полное непонимание того, в чем состоит их враждебность.

В централизованном государстве существует и своя идеологизированная тоталитарная/тотальная культура, и своя официальная религия (либо полное ее отсутствие), и т. д. Иной культуре, как и иной религии (или религии вообще), в тоталитарном обществе нет места: они – отклонения, которые не могут получить одобрения системы.

Обращение к культуре и поиск новых идентичностей в тоталитарных обществах часто возникает в моменты политического кризиса, когда граждане фокусируются на своей принадлежности к иной социальной группе, нежели к государству, принимая групповые идеалы, участвуя в коллективных ритуалах, следуя общим правилам, поклоняясь общим кумирам. Именно в условиях кризиса появляется необходимость культурной идентификации, становится важна сама принадлежность к конкретной группе, а не содержание конкретной культуры.

Альтернативой же идентификации в рамках социальных групп в кризисный момент является еще большая социальная растерянность и атомизация населения. Одиночество, тревога и нехватка нормальных социальных отношений делают из людей, лишенных привычных условий существования, массу, являющуюся мощным политическим топливом⁵. Именно тогда тоталитарные движения привлекают людей.

Культура похожа на идеологию, которая, «глухая к удивлению и непоследовательности повседневной жизни... приносит “логику смиренной рубахи”, с которой люди обретают смысл в бессмысленном мире» (Арендт 2003). Культура часто используется для легитимации власти и становится политической валютой – в ситуации царящего страха важную роль начинает играть символ как условный знак явления или понятия. Определяющей становится способность апеллировать к конкретным ценностям в определенном обществе и истолковывать любые события на «языке подсознания»⁶. Культура – это инструмент, дающий возможность

³ Однако И. Сталин в своих речах обращался к населению со словами «братья и сестры» и пр.

⁴ В Иране, например, крайне важна религиозная идентификация.

⁵ Ханна Арендт полагала, что тотальный террор, воплощенный в нацистской Германии и сталинской России как формула «радикального зла», стремился искоренить не условных евреев и кулаков, а привычные условия существования человека (Арендт 2003).

⁶ Грамотная символическая политика в свое время помогла Сталину стать «вождем народа», при этом вместе с разрушением союзного государства исчезли и основные его символы.

легитимизировать господствующий строй (порядок) в стране, видящей будущее в прошлом; инструмент, помогающий заполучить поддержку определенных социальных групп.

Идентичность является выражением некой самости как архетип целостности личности⁷, причем как положительной (в терминах «я» и «мы»), так и отрицательной (относительно «чужих»). Она есть **уникальная** отличительная характеристика члена той или иной социальной группы. Именно культура на протяжении долгого времени являлась одной из «помех» к получению мирового гражданства (global citizenship).

Образование наднациональных/союзных образований (речь идет о Европейском союзе, СССР) привело к появлению некой наднациональной идентичности. Европейская (западная) идентичность сегодня все чаще воспринимается как **универсальность**. О ней все чаще говорят как о норме, рассматривая другие культуры фактически как девиации. В некотором роде сегодня происходит пропаганда западной культуры за пределами европейских границ, ее экспансия, приобщение других народов к культуре Европы.

Сегодня культура становится еще и **глобальной**. Развитие инновационных технологий меняет не только наше восприятие действительности и идентичности, но и саму действительность. IT-технологии дают возможность охватить большую аудиторию потребителей культуры: Интернет становится инструментом влияния на общественное сознание, усиливая эффективность любой коммуникации.

Культура интернет-пространства: гражданство нового мира

Интернет открывает доступ к огромной базе данных, агрегируя информацию, производимую различными социальными группами. Благодаря цифре территориально отдаленные памятники культуры вдруг оказываются на расстоянии вытянутой руки – достаточно заглянуть в Сеть. Но такова тенденция⁸, и процесс подобной агрегации был неизбежен (хотя для культурной идентичности индивида данный процесс оказался скорее деструктивным, нежели созидательным).

Сегодня мы становимся свидетелями зарождения нового социально-культурного пространства – интернет-пространства. У него нет четко очерченных границ, но уже есть свои ценности и идеалы (такие как свобода общения и выражения мнения, терпимость), храмы и институты (со-

⁷ «Самость является нашей жизненной целью, так как она есть завершенное выражение этой роковой комбинации, которую мы называем индивидуальностью...» (Юнг 1926: 238).

⁸ Подобная тенденция наблюдалась и наблюдается до сих пор во всех сферах общественной жизни. Здесь можно, например, провести сравнение с финансовой системой: процесс развития систем обработки данных тоже требовал развития технологий для объединения территориально рассредоточенных вычислительных средств в единую систему.

циальные сети, группы, сайты знакомств), ортодоксы и реформаторы (блогеры и хакеры). Онлайн-культура также существует в невероятном разнообразии и требует подробного изучения. Принципиальное отличие интернет-культуры состоит в том, что она больше не привязана к географии. Это культура толерантности и плюрализма. Здесь есть место каждому, независимо от паспортов и сексуальной ориентации. И религиозный фундаменталист, и самый отъявленный хипстер легко идентифицируют себя в универсальном интернет-пространстве. Парижанин и сибиряк здесь на одном языке обсуждают американский кинематограф, а Коммунальный мост Красноярска соединяет берега Сены нажатием клавиши мыши. Виртуальное гражданство, которое не ассоциируется с территорией и местом, сегодня доступно (и, в общем-то, жизненно необходимо) практически каждому человеку, как гражданство античного Рима. «Успех Рима, крушение Афин <...> объясняются не столько различием военных возможностей, сколько постепенным расширением прав на обретение римского гражданства и все большим сужением возможностей получить афинское. Афинский народ оставался этнической группой на кровной основе» (Тодд 2004).

Возможно, две античные модели гражданства: *римская* и *греческая* – помогут нам разобраться в терминологии.

Важным отличием двух моделей является отношение к пространству (территории). Как пишет Аристотель в «Политике», гражданин древнегреческого полиса – житель Аттики, родившийся в наделенной всеми гражданскими правами семье. Очевидная неразрывность гражданства и территории не присуща Древнему Риму. Здесь группа индивидов, объединенных социальными связями, формирует понятие гражданственности, а соответственно, формирует и само государство. Например, переход латина в состояние римского гражданина был не только возможен (часто за услуги, оказанные римскому государству), но и периодами еще достаточно прост в силу специальных актов и постановлений государства (Новицкий, Перетерский 2000). Упразднение правила о присвоении римского гражданства переселившимся в Рим послужило поводом к войне, по результатам которой римское гражданство было присвоено всему населению Италии (*Bellum Sociale* или *Bellum Marsicum*, 91–88 до н. э.).

Отсутствием прямой связи между гражданством и территорией «интернет-гражданство» отдаленно напоминает гражданство древнеримское. Кроме того, интернет-пространство виртуально и потому не обладает границами. Пользователи Интернета создают самоорганизующиеся группы, конструируя социальные связи в безграничном виртуальном пространстве, и таким образом идентифицируют себя в соответствии с ними. Идентификация себя с интернет-группами, не локализованными в пространстве, происходит посредством общей веры, общих интересов и ценностей. В таком виртуальном мире каждый может сделать свободный вы-

бор относительно подходящих ему идеалов и ценностей. В Сети есть свои криминальные группировки и насилие; свои лоббисты и пропагандисты, орудующие под прикрытием популистских лозунгов (отсюда бесконечные вопросы о роли Интернета в период, например, недавних революционных волн в арабском мире: был ли Интернет площадкой организации протестного движения или же средством, позволяющим скоординировать работу слаженной команды революционеров [Alexander 2011; Saletan 2011]). В связи с этим остро встает еще и вопрос о возможности (и необходимости) контроля над деятельностью граждан интернет-пространства.

Образование и культура доступны каждому во всемирной системе объединенных компьютерных сетей. Необъятный музейный фонд виртуального пространства объединяет в единый глобальный комплекс шедевры человечества всех эпох и континентов. Но культура Сети – больше чем сумма ее частей. Ее уникальность заключается в первую очередь в ее плюрализме. Онлайн-культура предоставляет человеку выбор собственной идентификации. С развитием Интернета культура все реже воспринимается как отличительная особенность конкретной группы, она, напротив, сближает различные социальные группы, склоняя их к диалогу, и тем самым придает системе новые дополнительные характеристики: гибкость, универсальность, плюрализм, конструктивность.

Культура приобретает свойства универсальности: она становится «универсальным языком», который понимают, на котором говорят миллионы людей во всем мире. Культурные ценности принимаются и разделяются не только их оригинальными носителями. Житель Красноярска, как и парижанин, понимает творчество Сержа Генсбура, рожденного в семье иммигрировавших во Францию украинских евреев, – у него не возникает вопросов ни по поводу его эстетических идеалов⁹, ни относительно содержания текстов песен: всем понятны и литературные ссылки на произведения Поля Верлена¹⁰, и метафоры с сексуальным символическим наполнением. Таким образом, дихотомия «свой – чужой» теряет свою актуальность.

Развитие инновационных технологий способствует зарождению «нового общества», которое может рассматриваться как новая стадия развития гражданского общества, способного к самоорганизации, самоконтролю и самоуправлению. Такое «само-общество», принципал по сути, все реже нуждается в агентах, выполняющих функции контроля. Не только культура приобретает глобальные масштабы и уже существует как единое целое в рамках человеческой цивилизации. Тенденция стирания границ ответственности свойственна, например, практически всем общественным институтам. Так, вполне возможно, что и институт государства находится

⁹ Генсбур был окружен красивыми женщинами: от Брижит Бардо до Джейн Биркин.

¹⁰ “Je suis venu te dire que je m'en vais” – Поль Верлен, *Осенняя песня* (сб. «Сатурнические поэмы»).

на грани исчезновения или радикального реформирования. Самоорганизация общества в ближайшее время может достигнуть такого уровня, что государство как таковое трансформируется в исключительно функциональный придаток, за которым останутся лишь задачи исполнения законов и защиты населения, а интернет-гражданство сделает нас соседями в едином глобальном виртуальном пространстве.

Вся гигантская совокупность шедевров искусства, навыков и умений, вся история человеческого самопознания и самовыражения, весь опыт, накопленный населением этой планеты за тысячи лет, сегодня доступен гражданам интернет-пространства без ограничений, перерывов на обед и дорогостоящих тарифов. Со скоростью сто мегабит в секунду перемещаются жители города Красноярск на Марсово поле и уже даже не обращают внимания на Коммунальный мост, соединяющий берега Сены.

Библиография

- Арендт Х. 2003.** *Истоки тоталитаризма.* М., Иерусалим: ДААТ, Знание.
- Гоббс Т. 2001.** *Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского.* М.: Мысль.
- Монтескье Ш. 1999.** *О духе законов.* М.: Мысль.
- Новицкий И. Б., Перетерский И. С. 2000.** *Римское частное право.* М.: Юриспруденция.
- Робин К. 2007.** *Страх. История политической идеи.* М.: Прогресс-традиция; Территория будущего.
- Тодд Э. 2004.** *После империи. Pax Americana – начало конца.* М.: Международные отношения.
- Токвиль А. 2008.** *Старый порядок и революция.* СПб.: Алетейя.
- Хёсле В. 1994.** Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. *Вопросы философии* 10: 112–123.
- Юнг К. Г. 1926.** Два эссе по аналитической психологии. *CW* 7.
- Ямпольский М. 2004.** *Физиология символического.* Кн. 1. *Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима.* М.: НЛО.
- Alexander A. 2011.** *Internet Role in Egypt's Protests.* URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-12400319>.
- Saletan W. 2011.** Springtime for Twitter: Is the Internet Driving the Revolutions of the Arab Spring? URL: http://www.slate.com/articles/technology/future_tense/2011/07/springtime_for_twitter.html.